

К югу от Чжэньцзэ раскинулся бамбуковый лес. Снаружи он занимает всего несколько ли, но как только в него вступаешь, кажется, что бродишь тысячи ли, не находя выхода. Если подняться на мече, даже на сотню чи в высоту, ты всё равно окажешься среди зелёного бамбука. Именно поэтому его называют Рощей Угуй. Те, кто входит сюда без приглашения хозяина, неизбежно погибают, а хозяин этих мест — Чжу Маолин.

Он как раз сушил на дворе только что собранные травы, когда вдруг услышал, как калитка с грохотом распахнулась, и в неё ворвалась женщина в красном.

— Нинцин, почему ты вернулась так рано? — он повернулся к ней, распахнув руки, и на его изящном лице появилась лёгкая улыбка. — Может, соскучилась и не могла спать?

— Соскучилась, конечно, — Байли Нинцин бросила на него сердитый взгляд.

Среди бела дня, что за ерунда про скуку и бессонницу. Ей казалось, что он просто заскучал за несколько дней разлуки.

— Ну... — Чжу Маолин хотел продолжить шутить, но вдруг почувствовал приближение двух других аур, и в его глазах появилось недоумение. — Что ты натворила?

— Я взяла ученика.

— Ученика? Кого? — улыбка на лице Чжу Маолина застыла.

— Я украла ученика у старого пса У, — Байли Нинцин произнесла это с невозмутимым видом, словно говорила о чём-то совершенно обыденном.

— Ты... ты? — Чжу Маолин больше не мог удерживать улыбку, он схватился за лоб, словно от сильной головной боли, и взглянул на разложенные травы, вздыхая. — Мне, наверное, пора переезжать? Мои керамические банки для трав не выдержат ваших разборок.

Услышав это, Байли Нинцин наконец слегка смутилась, её взгляд забегал по сторонам, и она неуверенно засмеялась:

— Наверное, пока не нужно, временно...

Её слова были прерваны спокойным голосом снаружи:

— Чан Ли из Секты Тяньи просит аудиенции.

Чжун Минчжу почувствовала, что проспала очень долго. Ей казалось, что она видела сны, но, возможно, это была лишь тьма. Открыв глаза, она первым делом увидела белую фигуру у окна.

Когда она села, Чан Ли, услышав шум, обернулась. Их взгляды встретились, и в тусклом свете ей показалось, что в глубине тёмных глаз Чан Ли мелькнул слабый свет. Но, приглядевшись, она увидела лишь ту же тишину, что и во сне.

Наверное, это просто последствия долгого сна, — подумала она, разминая плечи, и, подумав, расстегнула одежду, чтобы осмотреть место ранения. Обнаружив, что там остался лишь слабый красный след, она прикрыла одежду и встала.

Эта кровать была слишком твёрдой, лежать на ней было неудобно, лучше стоять.

Потирая виски, она вспомнила события перед потерей сознания, несколько картин

промелькнули перед её глазами, и она невольно вздрогнула, почувствовав желание снова закрыть глаза и потерять сознание.

Сначала она схватила своего учителя за горло, затем угрожала сломать ей руку.

Хотя она не раз представляла, как швыряет меч в лицо Чан Ли, но это были лишь фантазии. Теперь же она действительно перешла к действиям.

— Всё из-за этого яда! — пробормотала она, слегка подняв взгляд, который остановился на воротнике Чан Ли.

Следы крови были стёрты, и теперь на белой коже чётко виднелись синеватые следы от её пальцев.

Она не думала, что Чан Ли оставила их специально, чтобы вызвать у неё чувство вины.

Во-первых, Чан Ли была самым прямым человеком на свете, а во-вторых, она не испытывала чувства вины.

Тогда она была в бессознательном состоянии и не узнала своего учителя, поэтому действовала без оглядки.

Так и должно было быть, но она, словно замороженная, сделала несколько шагов вперёд и коснулась этих следов. Кончики её пальцев сразу почувствовали лёгкий холод.

— Прости, — тихо прошептала она, глядя на синяки, оставленные её руками.

Чан Ли мягко отстранила руку Чжун Минчжу и прикрыла шею. Подняв руку, её широкий рукав соскользнул, обнажив запястье, на котором был точно такой же синяк, что и на шее. Чжун Минчжу снова удивилась, и лишь тогда поняла, что увидела. В следующее мгновение нежный зелёный свет окутал рану, и синяки исчезли за мгновение.

— Всё в порядке, — тихо сказала она, затем спросила:

— А ты? Тебя ничего не беспокоит?

— Я? — Чжун Минчжу потрогала рану на плече, чувствуя лёгкое покалывание, но больше никаких проблем не было.

Она ущипнула себя за руку, чётко ощущая боль, что означало, что яд был выведен. Она покачала головой:

— Вроде всё в порядке. Сколько я спала?

— Три часа.

— Всего три часа? — Чжун Минчжу удивилась.

Ей казалось, что она проспала как минимум три дня и три ночи. Битва с демоническим зверем произошла утром, и через три часа был лишь вечер. Она быстро усмехнулась и стала ругать зверя:

— Оказывается, этот яд такой слабый.

Но Чан Ли прервала её:

— Это заслуга тех, кто тебя спас.

— А? — Чжун Минчжу коснулась носа, и в её сердце внезапно возникло плохое предчувствие.

— Кто меня спас?

Она была ученицей по сути, но не нуждалась в ритуалах, и её отношения с Сектой Тяньи не менялись. Перед другими она могла притворяться, что они незнакомы. Байли Нинцин, казалось, хотела лишь формального статуса учителя, ничего больше. Это было странно, но с Чан Ли всё было просто.

Она не задавала лишних вопросов, просто подала чай Байли Нинцин и Чжу Маолину, завершив ритуал.

После этого Чан Ли осталась с Чжун Минчжу, а Байли Нинцин и Чжу Маолин сидели в зале в полной тишине.

— Нинцин, почему я тоже должен пить этот чай? — когда Чжун Минчжу проснулась, Чжу Маолин вдруг спросил.

В ответ он услышал:

— Раздели со мной трудности.

После этого они продолжили сидеть, уставившись на чашки, их лица становились всё более напряжёнными, словно они готовились к битве. Время шло, Байли Нинцин подсчитала время и вдруг сказала:

— Прошло четверть часа.

В её голосе слышалась гордость.

— Не спеши, — Чжу Маолин сделал глоток чая. — Если не прошло полчаса, я выиграл.

— Посмотрим, — Байли Нинцин уверенно улыбнулась, но её улыбка исчезла, когда раздался громкий треск.

Казалось, кто-то что-то разбивал.

— Молодость, горячая кровь, — Чжу Маолин покачал головой с сожалением, затем улыбнулся Байли Нинцин с теплотой. — Признаю поражение.

— Смешно, запиши это в долг, — Байли Нинцин закатила глаза и несколько раз пнула Чжу Маолина под столом, чтобы выпустить пар.

Оказалось, что они, чтобы скоротать время, зная, что у Чжун Минчжу вспыльчивый характер, начали спорить, через сколько она взорвётся после пробуждения. Чжу Маолин первым сказал, что через четверть часа, а Байли Нинцин могла назвать только полчаса. Она надеялась, что Чан Ли сможет подольше поговорить с Чжун Минчжу, будь то упрёки или забота, лишь бы затянуть время до получаса. Но она недоценила характер Чжун Минчжу.

Только что она извинялась, а как только услышала, что Чан Ли действительно станет ученицей Байли Нинцин, взорвалась и ногой разбила ближайший бамбуковый стол. Если бы не защитные

барьеры дома, можно было бы подумать, что она снесёт всё здание.

Вскоре в зал ворвалась фигура в серо-голубом и, указывая на Байли Нинцин, закричала:

— Подлость!

— Взаимно, — Байли Нинцин ответила с саркастической улыбкой, ожидая, что это вызовет ещё более яростные крики.

Но, подняв голову, она увидела, как Чжун Минчжу глубоко вздохнула, и её лицо внезапно стало совершенно бесстрастным, словно весь гнев был лишь притворством.

Она спокойно смотрела на Байли Нинцин, её глаза, чуть светлее обычного, не выражали ни капли тепла. Вдруг на её милом лице появилась мягкая улыбка, и она ничего не сделала, ничего не сказала, просто развернулась и ушла, даже не хлопнув дверью.

Байли Нинцин же из-за этой улыбки почувствовала себя неловко.

— Конец, конец... — она схватилась за голову, в её голосе появилось сожаление. — Лучше сразу переезжать.

В этот момент в зал влетел зелёный феникс и, опустившись в руку Чжу Маолина, превратился в свиток. Чжу Маолин прочитал сообщение, и его беззаботное выражение лица исчезло. Он передал свиток Байли Нинцин:

— Они не могут оставаться вместе. Тебе нужно вернуть нашу... то есть твою ученицу.

— Вернуть? — Байли Нинцин растерянно взяла свиток.

<http://bllate.org/book/16292/1468583>